

МОЗГОВЫЕ ТРЕСТЫ ПРОГРЕССИЗМУ НЕ ПОМОГУТ

Джон Макгован

Джон Макгован — почетный профессор гуманитарных наук, директор Института искусства и гуманитарных наук, Университет Северной Каролины (Чэпел Хилл). Мыслитель либерального толка, специалист по современной демократической теории, политике модерна и постмодерна? занимается вопросами расширения публичной сферы, справедливости и т.д.

Со-редактор масштабного проекта «Нортоновская Антология теории и критики» (2001; 2010), представляющего собой более чем 2500-страничный сборник статей, отражающих развитие англоязычной гуманитарной теории. Автор ряда книг, в числе которых «Американский либерализм: интерпретация для нашего времени» (2007), «Дети демократии: интеллектуалы и рост культурной политики» (2002) и других.

За последние сорок лет мозговые тресты стали весьма политизированными. При этом су-

ществует гораздо больше правых мозговых трестов с хорошим финансированием, нежели левых. Это произошло потому, что консерваторы сочли их удобным инструментом для продвижения собственной политической программы. Богатые консерваторы могут делать в пользу мозговых трестов пожертвования, не облагаемые налогами. Так они избегают не только налогов, но и необходимости иметь дело с университетами, которые гораздо менее ангажированы идеологически. Попытки создать «прогрессивные» мозговые тресты по модели консервативных на данный момент не позволяют достичь равновесия.

Общественный прогресс, по моему мнению, следует оценивать в относительных категориях, с точки зрения того, стало ли сегодня лучше, чем вчера. И если брать за точку сравнения социальное и экономическое равенство, в 2011 году в США стало жуть хуже, чем в 1971-м. На мой взгляд, именно это сравнение позволяет определить «прогрессиста»: это человек, который считает, что блага следует распределять по возможности равномерно, и уверен, что есть некий минимальный уровень образования, медицинского обслуживания и экономической безопасности, который должен быть доступен каждому гражданину. Консерваторы (или неолибералы) в современном мире — это те, кто старается повернуть вспять прогресс по обеспечению населения этими элементарными вещами, достигнутый в богатых демократических странах в течение XX века.

Настоящий прогресс как движение в сторону равенства происходил с 1920 по 1970 годы (больше в Западной Европе, чем в США; впрочем, и там и там прогресс в самом деле был). С 1970 года прогрессисты перешли в защиту и изо всех сил старались

не дать другим уничтожить свои достижения. В настоящий момент прогрессисты в этой битве проигрывают (опять же в США больше, чем в Западной Европе).

Каждый политик, даже консервативный, обещает, что его партия улучшит нынешнее положение дел. Разница между партиями заключается в том, что они считают неправильным в статус-кво и какие действия, на их взгляд, нужно предпринять, чтобы это исправить. Партиям необязательно приходиться к соглашению по обоим вопросам, однако политические дебаты обычно вращаются вокруг одного из них (как минимум). **В политической борьбе в США в последние сорок лет все время проигрывали прогрессисты, поскольку не могли убедить большинство в том, что постоянное и растущее неравенство и есть главная болезнь американского общества.** Вместо этого консерваторам удалось обеспокоить избирателей вопросами национальной безопасности, иммиграции, налогов, расходов правительства и контроля над ним. Но обе партии жаждут прогресса и исправления нынешнего положения.

* * *

Если следовать моему определению прогрессиста как приверженца равенства, **нынешний президент США Барак Обама — одно сплошное разочарование.** Но ведь он живет в реальном мире политики, так что трудно сказать, мог ли он достичь большего в первые полгода на посту президента (когда его партия имела серьезный перевес в обеих палатах конгресса). Законопроект о здравоохранении был принят, и это большая победа. Были и победы поменьше — в отношении студенческих займов, дискриминации женщин в оплате труда и (совсем недавно) прекращения нелепой политики против гомосексуалистов в армии.

Однако все, что Обама сделал в области прав человека на настоящий момент, — это ужас. Именно в этом вопросе ему и следует действовать, не запрашивая согласия конгресса на то, чтобы изменить стратегии бушевского периода, которым он зачем-то решил следовать. Его готовность идти на компромисс (непростая задача в связи с жесткой враждебностью со стороны республиканцев) означает, что он согласился на «сделки» и будет еще больше сокращать налоги и федеральный бюджет, как это делалось во времена Буша, что глубоко антипрогрессивно.

Больше всего разочаровывает то, что этот президент, столь превозносимый за красноречие, не сделал почти ничего для того, чтобы разъяснить прогрессивную концепцию. Финансовый кризис предоставил ему великолепную возможность просветить американцев и поведать им, как очень-очень богатые люди прибирают к рукам национальное богатство. Но, похоже, **Обама больше привязан к Уолл-стрит и крупным спонсорам предвыборной кампании, чем к простым гражданам, в чем нас убедил крайне слабый закон о финансовом регулировании, который конгресс принял, а также отказ Обамы обнародовать дело против банков.**

Если прогрессисты проигрывали в американской политике в последние сорок лет, то одна из причин этого в том, что у них не получилось представить убедительную и привлекательную концепцию того, что они отстаивают и почему. В книге Обамы «Дерзость надежды» изложена неплохая версия такой концепции. Довольно странно (и печально), что он до сих пор не воспользовался своим положением и не изложил свою прогрессистскую позицию. Чтобы услышать твердый голос прогрессиста в американской политике, вам придется найти Берни Сандерса в сенате США или Барни Фрэнка в палате представителей.

***

Проблема в США заключается не в политизации мозговых трестов и прочих политических акторов, а в исчезновении по-настоящему независимой прессы (той, которая способна оценивать заявления, сделанные мозговыми трестами и другими политическими акторами, а не просто передавать их слова), а также в зачахшей общественной сфере, в которой деньги заглушают все прочие голоса. Именно тогда, когда общественность не может говорить свободно, национальную повестку дня определяют богатые. Когда некоторые точки зрения не получают возможности быть высказанными, демократия становится лишь намеком на то, что она на самом деле должна собой представлять. **Проблема США в том, что у нас нет ни серьезных открытых дебатов, ни системы, позволяющей победившим сделать что-нибудь на самом деле. Вместо этого протестные голоса в американском руководстве приводят нас в тупик. ■**

Специально для РЖ

НЕ РЕШАТЬ «ПРЯМО ОТ СЕБЯ-С»

ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ –
член Общественной палаты РФ,
общественный деятель, политолог,
доктор искусствоведения
Специально для РЖ

Волна докладов, которые ныне публикуют многочисленные экспертные группы, — это реакция на прямой сигнал власти, которая вдруг заинтересовалась экспертным мнением. И это само по себе прекрасно.

Запрос власти на экспертное мнение отчасти связан с растерянностью. Растерянностью власти, которой становится все более очевидно, что все не столь хорошо, как может показаться. Отчасти в этом есть элемент пиара, поскольку это некоторая попытка властей поддержать через экспертное сообщество довести до общества, что правящий класс интересуется общественным мнением.

Не стоит думать, что форма консультирования власти с помощью публикации специфична исключительно для России. На самом деле подобная система существует и на Западе. Но за океаном есть легальные «мозговые тресты», которые обычно выполняют прямой коммерческий заказ. **В России же пока распространена советская традиция, строящаяся на принципе дружеской помощи в решении общих вопросов.** В силу этого «мозговые тресты» в западном смысле этого понятия едва ли станут

традиционным элементом общественной и политической жизни. Ведь многое из того, что будет предлагаться рабочими группами в качестве альтернативы в принятии политических решений, вряд ли будет воспринято комфортно политическими элитами. Так что я не испытываю уверенности в том, что данный опыт будет продолжен.

Свидетельством этого является хотя бы тот факт, что **ни один из докладов так и не был воспринят в широком смысле российским обществом.** Они были и остаются плодом некоторой факультативной деятельности. Все: и те, кто пишет доклады, и те, кто должен их читать и использовать изложенные в них идеи в своей деятельности, — заняты еще миллионом разных работ. Потому-то и нет пока ни одного полноценного доклада — полноценного в том смысле, в каком они есть на Западе. Пока есть только некоторые тезисы, реакцию на которые еще только предстоит изучить. И все-таки это более нормальный процесс, чем деятельность некоторых закрытых групп внутренних экспертов, которые, как говорил герой Салтыкова-Щедрина, решают все «как прямо от себя-с». ■